

ЦИВИЛИЗАЦИОННОЕ ИЗМЕРЕНИЕ ИДЕНТИЧНОСТИ МНОГОПОЛЮСНОГО МИРА*

А.С. ЖЕЛЕЗНЯКОВ

Цель данной статьи — ввести понятие «идентичность мира», но через определенное измерение — цивилизационное. При введении этого понятия следует учитывать, что содержание самой категории идентичности остается сегодня не проясненным¹. Понятие «идентичность мира» в данной статье отражает динамичную по своей природе и постоянно находящуюся в процессе переопределения «текущую современность». Рассматриваются смыслы, оппонирующие вводимому концепту, и различные варианты воображаемых картин идентичности мира: аполусной, «органической», однополюсной, биполярной и многополюсной.

Цивилизационное измерение идентичности мира как концепт

Идентичность современного многоликого и культурно неоднородного мира раскрывается в воображаемых картинах, составленных на основе ощущений, интуиции и догадок, не противоречащих добытым эмпирическим путем фактам. Факты же раскладываются двояко: представляя мироустройство либо единым и неделимым организмом мирового социума, либо системой отношений отдельных социумов, каждый из которых претендует на роль ядра, полюса, единственного универсального субъекта мироустройства. Представление об особом, цивилизационном, измерении идентичности современного мира связано с воображаемой картиной его членения на отдельные субъекты — локальные цивилизации. Претензии локальных цивилизаций на свою универсальность («Москва — третий Рим», «Вашингтон — оплот либерального конца истории», «Китай — Срединное государство» и т.д.) отражают мироустройство через призму политических полюсов.

Сопоставление друг с другом взаимоисключающих претензий каждой из локальных цивилизаций на свое центральное положение в непременно однополюсном мире дает стереоскопическую картину идентичности мироустройства. Это можно проиллюстрировать на примере различных подходов к тому оригинальному месту, которое занимает в мире Россия как цивилизация. Если Россию рассматри-

* Работа выполнена в рамках проекта Международных конкурсов Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ) и Министерства образования, культуры и науки (МинОКН) Монголии «Изменения социальных идентичностей и социальной структуры России и Монголии в условиях трансформации», грант № 11-23-03001a.

вать одновременно с внутренней и какой-либо внешней (европейской, американской, китайской и т.д.) точек наблюдения, то ее общность может обнаруживаться в разных комбинациях взаимодействия цивилизаций. Например, в определенных ракурсах идентичность России цивилизационно может совпадать с идентичностью всех европейских, в том числе западноевропейских, стран, поскольку после 1991 г. Россия находится не только в ситуации нового (постбиполярного) глобального столкновения с Западом, но и взаимодействует на пространстве Старого Света и Евразии. Россия, перестав быть противником Запада в условиях «холодной войны», не может оставаться нейтральной к характеру складывающегося мироустройства и, имея претензии на универсальность, вносит свой вклад в формирование или развенчивание различных образов цивилизационного устройства мира. Теоретически можно допустить совпадение российской идентичности даже с общей идентичностью «золотого миллиарда» на базе гипотетического цивилизационного раскола по линии Север — Юг.

Выдвижение в XX в. современных мировых цивилизаций происходило в каждом отдельном случае совершенно оригинальным образом. Как мировые цивилизации вначале проявились только Россия и Запад, которые стали таковыми одновременно, благодаря их дихотомической связке (биполярности) и которые впоследствии «подняли» под себя все страны и континенты. Запад и Россия шли к этому несколько столетий, осваивая окружающий мир посредством совершения географических открытий, военной, экономической, религиозной и культурной экспансии. В эпоху Петра Россия выступила «догоняющим» конкурентом крупнейших европейских стран в борьбе за мировое влияние и на крутом вираже 1917 г., догнав их, поставила цель встать в авангарде мировой пролетарской революции. Объединенный Запад оказался в противостоянии большевизму. В биполярном мире других мировых цивилизаций быть не могло, но проявились три крупные общности, заполнившие те лакуны, где влияние России и Запада не было безусловным — Индия, как ключевая страна, отразившая потребность государств «третьего мира», не присоединившихся ни к одному полюсу, к объединению, Дальневосточный мир, заявивший в лице Китая о своем особом пути и необходимости проведения независимой от СССР и США политики, а также активизировавшийся в неприятии навязываемых извне ценностей и заполнивший оставшуюся нишу исламский мир, проблемы устройства которого имеют глобальное значение.

Начало переменам в полюсном мироустройстве было положено окончанием на рубеже 80-х и 90-х гг. XX в. биполярного противостояния, «холодной войны», связанным с развалом советского блока, а затем и с распадом СССР. Тогда же образовалась временная ниша единоличного глобального лидерства, спонтанно занятая единствен-

ной оставшейся мировой сверхдержавой — Соединенными Штатами Америки. Однако однополюсный мир на правовом и институциональном уровне так и не утвердился; более того, благодаря подспудному развитию и росту потенциала общностей русского, дальневосточного, западного (вне США), исламского и индийского миров, начал стремительно восстанавливаться нарушенный в мире баланс сил. В качестве глубоко вклинившейся в эти миры уникальной общности проявился тенгрианско-буддийский мир наследников кочевых империй Внутренней Азии с единственным суверенным государством — Монголией — в центре региона. Практически такими вклинивающимися друг в друга уникальными общностями, межкультурными узлами являются все цивилизации современности. Этот признак — важный общий критерий для их корректного сопоставления.

Все цивилизации как межкультурные узлы являются уникальными конструкциями, в том числе западная цивилизация, связанная с беспрецедентным мировым экономическим и военно-политическим первенством США и родившейся на этой почве идеей однополюсного мира. Место Запада в мироустройстве нуждается в отдельном рассмотрении, тем более, что оно отягощается обстоятельствами, «ведущими к все более сложному кризису американской сверхдержавы»². Важнейшим интеллектуальным проявлением этого кризиса является, наряду с самим фактом его признания ведущими американскими учеными-обществоведами, соответствующий рост их интереса к изучению столкновения ценностей США с другими цивилизационными ценностями, проблем поиска «врагов либерально-демократических ценностей», «вызовов американской национальной идентичности»³. Иными словами, речь идет об интересе к цивилизационному измерению идентичности формирующегося нового мироустройства в контексте роли и места в нем Америки.

Глобальное лидерство Америки возникло спонтанно, не закреплено правовыми нормами и действенными международными институтами и может быть оспорено в обозримой перспективе. Теоретически существует несколько вариантов формирования будущего миропорядка — в рамках разновидностей однополюсной, биполярной и многополюсной конструкций. Вокруг этих возможных (воображаемых) конструкций в настоящее время сложилась определенная дискуссионная область.

Аполюсный мир

Альтернативой цивилизационному измерению идентичности современного мироустройства теоретически может выступить постмодернистская картина «аполюсного» мира, связанная с «анархией новых “темных столетий”»: упадком империй и религиозным фанатизмом, грабежами и разрушениями в отдаленных регионах планеты,

экономической стагнацией и отступлением цивилизации в немногочисленные укрепленные анклавы»⁴. На наш взгляд, за констатацией гипотетической возможности «аполюсного» мира прорисовывается конкретный сценарий апокалипсиса. Стоит свести картину к полутонам, к балансированию на грани апокалипсиса, и сразу же появятся привычные схемы мироустройства с «укрепленными анклавами», в которые отступила одна, две или несколько цивилизаций (при однополюсном, биполярном и многополюсном мире).

Мир как единый организм

Альтернативой цивилизационному измерению идентичности устройства мира могла бы послужить также идея человеческого общества как единого организма. Но парадокс заключается в том, что эта идея всегда строилась и строится на разных религиозных и культурных основаниях; ее выдвигали мыслители разных стран и разных эпох. Получается, что разные культуры стремятся к формированию разных универсальных общностей, которые складываются в конструкторы однополюсного, биполярного и многополюсного мира. Имевшие место попытки сугубо научного объяснения устройства мирового социума-организма также не свободны от влияния той или иной культурной модели.

В концентрированном виде, как религиозную и одновременно научную истину, идею человеческого общества как организма сформулировал в позапрошлом веке великий русский философ и богослов Владимир Соловьев: «Раз мы признаем существенное и реальное единство человеческого рода — а признать его приходится, ибо это есть религиозная истина, оправданная рациональной философией и подтвержденная точной наукой, — раз мы признаем это субстанциональное единство, мы должны рассматривать человечество в его целом, как великое собирательное существо или социальный организм, живые члены которого представляют различные нации. С этой точки зрения очевидно, что ни один народ не может жить в себе, чрез себя и для себя, но жизнь каждого народа представляет лишь определенное участие в общей жизни человечества. Органическая функция, которая возложена на ту или другую нацию в этой вселенской жизни, — вот ее истинная национальная идея, предвечно установленная в плане Бога»⁵.

С констатацией превращения человеческого общества в подобие единого человеческого организма как свершившегося факта, имеющего уже не сугубо религиозное, а непосредственное практическое значение, выступил более полувека назад крупнейший специалист в области математической логики английский философ и математик Бертран Рассел. Выделенный им альтернативный цивилизационному измерению идентичности мира критерий сравнительного анализа

частей человеческого общества формулируется следующим образом: «В целом человеческое общество приобретает черты единого человеческого организма, и если мы будем существовать и дальше, то должны обрести чувства, обращенные к повышению благополучия всех, при этом стремление к индивидуальному благополучию должно быть направлено на весь организм, а не ту или иную отдельную его часть»⁶.

В основе такой проникнутой гуманизмом аналогии лежит отрицание какой-либо градации сравниваемых максимально крупных «частей организма» по иерархии, полярности и степени жизненной и функциональной значимости. Математически понимаемые максимально крупные части организма — это не просто отдельные части тела, а «доли» всего организма, связанные общими органами и системами, функционирующие во взаимосвязи друг с другом. В глобальном «организме человеческого общества» вклинившиеся друг в друга современные культурные общности, с этой точки зрения, практически не различаются.

Вместе с тем, идея «организма человеческого общества» изначально связана с целью подчинить разнонаправленные и, тем самым, хаотические действия политических структур всех стран координирующей роли центра. У Соловьева место такого центра занимает Иисус Христос, действующий через Вселенскую церковь: «Смысл существования наций не лежит в них самих, но в человечестве. Но где же оно, это человечество? Не является ли оно лишь абстрактным существом, лишенным всякого реального бытия? С таким же правом можно было бы сказать, что рука и нога реально существуют, а человек в его целом есть лишь абстрактное существо. Впрочем, зоологам известны животные (принадлежащие по большей части к низшему классу *асінозоа*: медузы, полипы и т.д.), представляющие в сущности лишь весьма дифференцированные и живущие обособленной жизнью органы, так что животное в его целом существует лишь в идее. Таков был и образ существования человеческого рода до христианства, когда в действительности существовали лишь *disjecta membra*⁷ вселенского человека — племена и нации, разделенные или частично связанные внешней силой, когда истинное существенное единство человечества было лишь обетованием, пророческой идеей. Но эта идея стала плотью, когда *абсолютный центр всех существ* открылся во Христе. С тех пор великое человеческое единство, вселенское тело Богочеловека, реально существует на земле. Оно несовершенно, но оно существует; оно несовершенно, но оно движется к совершенству, оно растет и расширяется вовне и развивается внутренне. Человечество уже не абстрактное существо, его субстанциальная форма реализуется в христианском мире, в Вселенской Церкви»⁸.

В Манифесте Рассела — Эйнштейна с «субстанциальной формы» человечества снимается налет божественности. Она призвана вопло-

тятся в форме своеобразного всемирного правительства — на путях «мер по ограничению национального суверенитета, которые будут ненавистны чувству национальной гордости»⁹. Но даже на уровне такого авторитетного института, как ООН, эти меры означают всего лишь то, что идеальный мир гармонии, правового («органичного») порядка неизбежно встраивается в экономическую и социальную систему¹⁰, изначально не свободную от геополитических воздействий, т.е. в систему не регулируемых сверху взаимоотношений различных центров силы (т.е. полюсов). Помимо этого, «органичные» картины мира, характерные для самоощущения всех цивилизаций, встраиваются в систему представлений о полюсном мироустройстве благодаря своей множественности.

Любая полюсная конструкция по определению является «сборочной», т.е. предполагает наличие в ней одного, двух или нескольких главных (несущих) узлов «сборки», которые в приложении к обществу и принято обозначать в качестве полюсов. В конфигурации современного мироустройства разные исследователи обнаруживают то признаки однополюсного главенства, то биполярного противостояния, то многополюсного столкновения или сосуществования. Все эти конструкции мироустройства, так или иначе, связаны с лидерством Америки в современном мире, которое успело за два прошедших десятилетия обрести прочной и устоявшейся мифологией и стереотипами.

Однополюсный мир

Представление об однополюсном мире связано с практическим воплощением идеи всемирного правительства в работе национального правительства США. По мнению некоторых весьма авторитетных исследователей (например, М. Тэтчер), «с окончанием “холодной войны” и развалом Советского Союза мы переместились от “двухполярного” к “однополярному” миру... на сегодня Америка — единственная сверхдержава. Ни одна из сверхдержав прошлого — ни Римская империя, ни империя, созданная Габсбургами, ни Британская империя — во времена их расцвета не обладали таким превосходством в ресурсах и размахе над своим ближайшим соперником, как современная Америка»¹¹.

Действительно, на уровне деклараций и обещаний США «приняли на себя миссию реформировать мир»¹², функцию единственного узла, из которого можно «руководить, направлять и формировать основные силовые отношения в мире меняющегося геополитического равновесия и возрастающих национальных ожиданий»¹³. При этом в основу этого стремления положены «возвышение Америки до уровня самого могущественного государства в мире»¹⁴ и «совершенно очевидная потребность в обеспечении своей собственной национальной безопасности»¹⁵.

В качестве обращенного вовне теоретического обоснования амбиций США взять на себя миссию всемирного правительства выступила концепция резкого и окончательного цивилизационного отрыва и триумфа Запада, западной идеи, наступления либерального «конца истории». Эта концепция была сформулирована Фрэнсисом Фукуямой в момент заполнения интеллектуального вакуума в сознании глобальных политических элит, в 1989 г., в условиях «важных реформ и изменения интеллектуальной атмосферы крупнейших коммунистических стран»¹⁶.

Политическая практика США как глобальной сверхдержавы по критериям «идеальной» конструкции однополюсного мира должна была бы осуществляться в русле провозглашенного в Овальном кабинете Белого дома в январе 1991 г. вступившим в должность президента США Дж. Бушем-старшим призыва «создать для нынешнего и будущих поколений людей новый мировой порядок, в котором поведение государств будет подчиняться праву, а не закону джунглей»¹⁷. Шанс для этого был: какое-то время на всем пространстве рушащегося вместе с берлинскими стенами биполярного мира вокруг идеи нового мирового порядка (по сути — идеи «организма человеческого общества») складывалась благожелательная интеллектуальная среда. Однако ни одна из администраций США не нашла возможности использовать этот редчайший шанс и на деле попытаться выполнить взятые на себя обязательства: создать новый мировой порядок, подчиняющий поведение всех государств мира праву. На практике это означало бы использование ресурсов и авторитета США для налаживания международного сотрудничества в деле создания подлинно представительного всемирного правительства. Это предполагало бы определенное самоограничение Америки в области «безликих» норм международного права, самопожертвование в сфере амбиций. Нет никакой вины Америки в том, что она не имела возможности или не смогла, или даже не захотела поделиться со всеми своей мощью и ролью, но без этого ее лозунги и призывы Буша-старшего по подчинению всего мира нормам верховенства международного права приобрели карикатурные формы. Правда, не менее нелепо выглядело бы и искусственное самоограничение Америки в сфере своих возможностей.

Прошло два десятилетия после выхода статьи Ф. Фукуямы под названием «Конец истории?», но обещанного «завершения идеологической эволюции человечества и универсализации западной либеральной демократии как окончательной формы правления»¹⁸ не произошло. Однако данное удручающее обстоятельство не помешало США использовать все эти годы идеологический инструментарий указанной концепции для распространения своего влияния практически на все звенья международной политики. При этом правительство США предстало полным антиподом всемирного правительства, поскольку

оказалось связанным с сигнальной системой, ответственной за жизнь не всего мирового сообщества, а только одной его части.

Однополюсная глобальная конструкция на сегодняшний день не имеет правовых и институциональных условий для своего утверждения. Не прослеживаются и необходимые для появления этих условий преимущественно чрезвычайные сценарии развития обстановки, например, резкий цивилизационный отрыв гегемона от безнадежно отставшего остального человечества. Ни Запад в целом, ни американское государство в частности, оказались не готовыми вести дело к воплощению в жизнь идеи всемирного правительства, оставив эту задачу более широкому кругу действующих лиц мировой истории. Представляется, что задача эта разрешима только на уровне консенсуса всех субъектов мирового социума. Характерна в этом отношении позиция России, выраженная в Концепции внешней политики Российской Федерации: «Россия придает большое значение повышению управляемости мирового развития, созданию саморегулируемой международной системы, что требует коллективного лидерства ведущих государств мира, которое должно быть представительным в географическом и цивилизационном отношении и осуществляться при полном уважении центральной и координирующей роли ООН»¹⁹.

Биполярный мир

Эта конструкция признается рядом исследователей действующей в настоящее время в виде некоего «собирательного» образа противостояния «империи добра», во главе с Америкой, «империи зла». «Запад — единственная из цивилизаций, которая оказала огромный и временами разрушающий эффект на все остальные цивилизации. Следовательно, взаимоотношения между властью и культурой Запада и властью и культурами других цивилизаций — вот наиболее всеобъемлющая характеристика мира цивилизаций», — пишет Самюэль Хантингтон в своей знаменитой книге «Столкновение цивилизаций». Между тем, он считает, что «основной проблемой взаимоотношения между Западом и остальными стало несоответствие между стремлением Запада — особенно Соединенных Штатов — насаждать универсальную западную культуру и все снижающейся способностью делать это»²⁰.

Биполярное устройство мира выглядит намного более жизненным и устойчивым, чем однополюсная конструкция, хотя, как перспектива будущего мироустройства, оно нежизнеспособно, поскольку не охватывает всего разнообразия современных геополитических вызовов. Поэтому биполярная схема является всего лишь очень удобной ширмой, теоретической и практической рабочей заготовкой для ситуативного применения в попытках обоснования и оправдания цели глобального главенства. Она присутствует в стратегических

конструкциях как политический образ противостояния «своего» с интегрированным «чужим» (на деле — неким фантомом). Фантомный образ биполярного мира используется там, где хотя и нет противостояния двух глобальных противников, но у кого-то есть претензии на роль мирового лидера.

Реальная (не фантомная) биполярная глобальная конструкция проявилась в истории как структура и схема «холодной войны». В том биполярном устройстве с наличием двух политических вертикалей лидерства были заложены стимулы как гонки вооружений, так и соревнования, роста как международной напряженности, так и творческого напряжения. Благодаря этой конструкции сложились равновесие сил противников в условиях угрозы ядерного столкновения, система сдержек и противовесов с уважительным отношением к международному праву, институты мира и международной безопасности. Для значительной части американской интеллектуальной элиты распад биполярной системы совпал по времени, как отметил А. Тоффлер, с ощущением «утраты Америкой мирового господства»²¹. А. Зиновьев идет еще дальше и говорит о более мрачных прогнозах для всего Запада: «Необычайный подъем западной экономики и вообще всей жизненной активности на Западе в 1946 — 1986 годы был не случайным совпадением с “холодной войной”. Он в огромной (если не решающей) степени был обязан именно этой войне. Конец войны ознаменовался экономическим спадом на Западе и общей тенденцией к снижению всей жизненной активности»²².

Чувства признательности к биполярной конструкции мироустройства испытывают и в определенных кругах России. Лидер неоевразийства — довольно влиятельного движения интеллектуалов — А. Дугин пишет: «Единственным выходом из сложившейся ситуации (победы Запада в “холодной войне”. — А. Ж.) может стать лишь новый биполяризм, так как только в этом направлении Евразия смогла бы обрести перспективу подлинной геополитической суверенности»²³.

Даже с точки зрения существующей в настоящее время единственной сверхдержавы, возможности возврата к «идеальному» биполярному миру, классическому глобальному противостоянию противников во время «холодной войны» уже нет. На его место пришла целая серия открытых и скрытых столкновений с Америкой по разным «осям зла» «государств-изгоев», «потенциальных врагов», «стран, вызывающих озабоченность» своей вовлеченностью в «дурные дела» и т.д.²⁴

Многополюсный мир

Противоречия рождающегося на глазах наблюдателей многополюсного мира выдаются за противоречия биполярного мира, который понимается как столкновение одного «доброего» полюса — США (Запада) — с неким коллективным «злым» полюсом. На деле же,

перестав быть двумя противоположными полюсами, Россия и Запад на какое-то время «опростились», поскольку утратили последние черты универсальных «половинок мира». Но вскоре они, каждый по своему, осознали свою новую универсальную роль в изменившемся мире (в данном случае речь не идет о том, насколько полно это осознание собственной универсальности отражает реальный процесс) и оказались в одном ряду с другими, такими же «универсальными» и самостоятельными участниками мировой истории. Мир раздробился; выпукло проступила его изначальная многополюсная структура.

Окончание «холодной войны» совпало с образованием общей точки бифуркации для всех стран и регионов мира, когда многие союзы, блоки, альянсы, международные институты и организации (от ООН и НАТО до МВФ и ВТО) продолжают существовать в основном «по наследству» от прошлой эпохи, но подчинены новому порядку взаимоотношений ключевых государств, уже начавшему складываться. От того, к каким принципам в выработке оценок действий и образов друг друга придут общества и государства, а также старые и новые организации и объединения — ООН, а также ЕС, СНГ, Лига арабских стран, ШОС и др., — будет зависеть вся конструкция системы региональных интеграций и состояние механизмов поддержания ее безопасности.

В нынешней обстановке многополюсной глобализации цивилизационное измерение идентичности мира приобретает особое значение: одним из условий выживания любых общностей на Земле, в том числе Запада, является защита их культурных ценностей, отстаивание собственных интересов этих общностей, протекционизм в международных организациях и альянсах в пользу «своих» структур. Очень часто эта защита принимает форму открытого противодействия внешним атакам рынка. Либеральные правила игры все чаще отвергаются самим Западом, где под напором невиданной экономической мощи Восточной Азии все чаще осуждается рыночный фундаментализм. Поэтому рыночные и антирыночные, либеральные и антилиберальные настроения не только не являются уже проявлениями антагонизма двух идеологических и политических лагерей, но и вообще резко не выражены, перемешаны и не служат формированию новой дихотомии биполярной глобализации. Чувство самосохранения поставит перед мировым сообществом на повестку дня вопрос о выработке механизма обеспечения безопасного сосуществования разнообразных моделей социально-политического и культурного устройства общества и специфических жизненных интересов.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ За многомерностью понимания идентичности И.С. Семененко обнаруживает «совершенно разные смыслы и значения, которыми наделяется идентичность и в повседневности, и в научном анализе» (См.: Семененко И.С. Введение. Идентич-

ность как категория политической науки: опыт концептуализации // Политическая идентичность и политика идентичности. Т. 1. Идентичность как категория политической науки. Словарь терминов и понятий. – М., 2012. – С. 9).

² Бжезинский З. Еще один шанс. Три президента и кризис американской сверхдержавы. – М., 2007. – С. 17.

³ Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. – М., 2003.

⁴ Фергюсон Н. Мир без гегемона // Свободная мысль-XXI. 2005. № 1. – URL: <http://www.politizdat.ru/outgoung/30/>

⁵ URL: http://www.vehi.net/soloviev/russianidea.html#_ftnref4

⁶ URL: <http://magazines.russ.ru/znania/1998/4/lopes.html>

⁷ Разъятые члены (лат.).

⁸ URL: http://www.vehi.net/soloviev/russianidea.html#_ftnref4

⁹ Манифест Рассела – Эйнштейна, 1955 г. – URL: <http://www.pugwash.ru/history/documents/333.html>

¹⁰ См. там же; Russel B. Has Man a Future? – London, 1961.

¹¹ Тэтчер М. Искусство управления государством. Стратегии для меняющегося мира. – М., 2003. – С. 48 – 49.

¹² Киссинджер Г. Дипломатия. – М., 1997. – С. 11.

¹³ Бжезинский З. Еще один шанс. – С. 9.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Фукуяма Ф. Конец истории? // Вопросы философии. 1990. № 3. – С. 134.

¹⁷ The Times. 2008. August 26.

¹⁸ Фукуяма Ф. Конец истории? – С. 135.

¹⁹ Концепция внешней политики Российской Федерации, 12 июля 2008 г. – URL: <http://www.kremlin.ru/text/docs/2008/07/204108.shtml>

²⁰ Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. – С. 281 – 282.

²¹ Toffler A. The Powershift Era. – N. Y.; L., 1990. – P. 4.

²² Зиновьев А.А. Запад. Феномен западнизма. – М., 2000. – С. 373.

²³ Дугин А.Г. Основы геополитики. – М., 2000. – С. 161 – 162.

²⁴ Хантингтон С. Кто мы? Вызовы американской национальной идентичности. – М., 2004. – С. 412.